

Антону, прочитавшему её от оглавления и до выпускных данных, сразу запомнилась фраза:

«В Каменской необычное ликование. Жители, особенно женщины, хватают на улицах офицеров и срывают с них погоны».

Трофим после этого не раз и не два бросал взгляд на висевший на стуле китель с погонями, но говорить ничего не говорил, боясь скандала. Только один раз Матрёна, по всей видимости, с его подсказки, шепнула собирающемуся к полчанам на посиделки Антону:

- Антоша, ты бы поостерёлся во всей-то офицерской красе по хутору гарцевать.

- Ничего, мамаша, у нас в хуторе, как в окружной станице, ещё нет таких смелых, чтоб с боевых офицеров погоны срывать. А кто потянется... - и он поддёрнул вверх шашку в ножнах, - тому ручонки по самые плечики и поотсекаем.

В лютую стужу зимы с 1917-го на 1918 год выяснилось, что швечиковцы не заготовились топливом, как надо. На этом решили подзаработать Трофим с заскучавшим без дела Антоном. На санях со сбитым деревянным коробом они привозили уголь с Сорокинских рудников и стали продавать хуторянам. Но дальше раздачи в долг не пошли. Не было у поиздержавшихся хуторян в то время денег, и неоткуда было им взяться. А когда подобрали деньги и поехали через две недели на шахтный двор в Сорокино, чтобы возобновить свою так и не ставшую прибыльной семейную коммерцию, то увидели, что на угольной погрузке всё выметено под метёлку, и снегом закидало даже шахтный ствол, вокруг которого ходили голодные и злые китайцы.

Китайцы появились в Гундоровской станице примерно за год до Великой войны. Они бежали сначала на российский Дальний Восток, спасаясь от преследования своих китайских правителей после восстания 1912 года, а потом добрались и до Донбасса.

На Сорокинских и Беленских рудниках они поголовно отличались своим неистовым трудолюбием, презрением к любым жизненным удобствам и невиданной даже среди казачьих семейств плодовитостью. В удалении от общего рудничного посёлка они построили своё убогое поселение. Его сразу же назвали Шанхаем. Там казаки впервые увидели, как в небольшой полугрунтовой-полусарае на устроенных в три яруса нарах располагались по несколько семей.

- Как они своих детей не путают?

- Детей-то что! Как жён не путают? Работают-то по разным упряжкам...

В годы Великой войны китайцев стало ещё больше. Затянувшиеся бои на фронтах требовали новых пополнений, и чёрнорабочих стало не хватать на всех донских промышленных предприятиях и шахтах.

Так станичники гораздо чаще и в большем количестве совсем рядом со своими куренями стали видеть китайцев. Учитель церковно-приходской школы в хуторе Швечикове, разъясняя ученикам, какими бывают в мире люди, особо подчёркивал, что на людей жёлтой расы они могут даже посмотреть воочию, достаточно зайти в воскресный день на рудничный базарчик в соседнем хуторе Сорокине.

Казаки в своём большинстве смотрели на китайцев свысока, инородцы, мол, понаехали, и куда войсковое начальство только смотрит. Китайцы ничем иным, кроме своего истинно восточного долготерпения, ответить не могли. И если случалась стычка с пришлыми людьми, то китайцы сразу же, даже будучи трижды невиновными, принимали вину на себя и со словами:

- Коросо, казак. Ты коросый, казак. Твой детиска коросый. Твой конь коросый. Мой китаец Санхай посол.

И сразу же удалялись.

Но так было только до начала восемнадцатого года. Разразившаяся за два месяца до этого октябрьская смута в Петрограде парализовала все заводы, шахты и рудники. Наёмные работники из соседней Екатеринославской губернии стали бежать к себе

Северский Донец зимой.

на родину в деревни, чтобы пережить грядущую бескормицу. А китайцам куда бежать? Не в Китай же обратно? Там их никто не ждал. Да и пути на Дальний Восток в мирное время был почти месяц, а уж во время всеобщего разора и полгода не хватит.

Тут же некоторые горячие головы из местных большевиков, видя безвыходное положение китайцев, решили их поставить под ружьё в отряды самообороны рудников и даже в продотряды. И потянулись по юрту станицы Гундоровской и других соседних станиц продовольственные обозы под охраной раскосых стрелков. Поначалу на три подводы собирали лишь по одному-два охлунка зерна. Не хватало даже для того, чтобы продотрядцам поделить между собой добытое и что-то в свои семьи принести.

Председатель Сорокинского совета Михаил Мажаров, который провёл на сибирской каторге, а потом и в ссылке в тех же местах не один год, громким хриплым голосом дал команду:

- Не отдают казаки добровольно, будем отнимать. Не для того власть в свои руки брали, чтобы наши семьи с голоду пухли.

В небогатом подворье казака Бахчевникова — праздник. Наконец-таки вернулся кружными путями с Западного фронта, из-под небольшого белорусского городка Сморгонь, глава семейства Гаврила Петрович.

Попив с соседями знатного первача

за здоровье домочадцев и хуторян от одного края хутора до другого, а затем и за упокой душ не вернувшихся с фронта, а таких в хуторе было тоже немало, Гаврила Петрович стал ладить инвентарь к весне и планировать, как он будет поднимать изрядно захиревшее за годы его вынужденной отлучки хозяйство.

Вдруг разом залаяли все собаки в хуторе и по дворам понеслась весть:

«Отряд с Сорокина прибыл! Во главе отряда — луганский комиссар Иосиф Бергман. Хлеб собирают на подводы. Расписки без денег выдают и говорят при этом, что кто добровольно хлебосдачу не произведёт, того увезут в Луганск на разборательство».

Гаврила Бахчевников в это время возвращался с другого конца хутора от односума Харлама Турилина, кото-

дух продотрядовцев, избивание их казаками без всякой жалости и рукопашная почти по-фронтовому. Благо хоть оружие по-настоящему в ход не пустили.

Затем разоружённых реквизиторов бросили в холодный амбар. Как сказал бессменный хуторской атаман Тимофей Богучарсков:

- Пусть их головы остынут, а то непонятно, кого слушают.

Атаман продиктовал хуторскому писарю Михаилу Фетисову короткое донесение в станицу. Оно заканчивалось словами:

«Китайцев насилу отбили от толпы. Всем пришельцам без разбору дали в морды и отобрали оружие. Завтра отправим их всех в Сорокин. Ждём указаний».

Указаний не дождались и наутро на трёх подводах разместили связанных продотрядовцев. Выехали в сторону рудников и конными сопроводили до самого хутора Сорокина.

С подводами увязал швечиковский дурачок Кирюшка. Для него было интересно шагать, взяв под уздцы гнедую кобылу, запряжённую в переднюю подводу. Когда по единственной широкой сорокинской улице процессия дотянулась до рудничного совета рабочих депутатов, то его председатель Михаил Мажаров, увидев избитых и связанных сотоварищей, а один из них вообще был без чувств и потерял сознание, и потому все подумали, что он убит, подбежал сразу к Кирюшке, не зная, разумеется, кто это такой.

Председатель стал на него кричать и угрожать ему неминуемой пролетарской карой. На что Кирюшка ответил так же, как и всегда всяким пересмешником и крикунам, оскорблявшим его. Он скрутил увесистые дули и, хохоча при этом, двинулся решительным шагом в сторону председателя.

Увечный разумом Кирюшка, бездумно лопотал, что не надо чужое брать, тогда и бить не будут. Что лучше казакам дать уголь, а они его на хлеб обменяют, и, наконец, что он казак и даже был одно время хуторским атаманом.

Председатель Мажаров выхватил револьвер и, не целясь, застрелил при всех ничего не понимающего Кирюшку. К вечно сбивавшейся белой пене в уголках Кирюшкиных губ добавилась кровавая, и он долго хрипел, соскребая скрюченными пальцами зачернённый угольной пылью снежок, нанесённый на лицо от соседней давно переставшей работать шахты.

Так хуторской дурачок Кирюшка волей трагического случая стал первой в Швечикове жертвой разразившейся Гражданской войны. А сколько их было после этого!

Сергей Сполох,

член Союза писателей России

Примечание: Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

